

— Чжань Юнь, у тебя есть наличные? Можешь... одолжить немного денег?

В этот момент она могла просить только Чжань Юнь, но та была её соперницей в любви. Гу Цинцин чувствовала себя неловко, но другого выхода не было. Она ощущала, что с тех пор, как рассталась с Чжэнь Давзем, её отношения с Чжань Юнь стали запутанными. Сначала она преследовала её, чтобы вернуть Чжэнь Давэя, но постепенно это превратилось в зависимость. Если она не видела Чжань Юнь хотя бы день, ей становилось не по себе. Неужели это стало привычкой? Привычка преследовать другого человека?

Чжань Юнь не была тем, кто любит вмешиваться в чужие дела. Но, видя беспомощное выражение лица Гу Цинцин, она почувствовала раздражение. Неизвестно, злилась ли она на её покорность или на то, что та слишком любит лезть в чужие дела. Она подумала: «Зачем тебе возиться с такой беспомощной?» Но в итоге спросила:

— Одолжить тебе или твоим... родственникам?

Гу Цинцин поспешно ответила:

— Мне. Как только будут деньги, я сразу верну.

Последние слова она произнесла без уверенности.

Чжань Юнь достала кошелёк:

— Сколько нужно?

Гу Цинцин показала три пальца:

— Три тысячи.

Чжань Юнь вытащила все деньги из кошелька, не считая, протянула их Гу Цинцин и сказала:

— Тратить чужие деньги легко, не задумываясь о цене. Ты ведь тоже родилась у родителей, и деньги не с неба падают. Потрать их с умом.

Рука Гу Цинцин замерла, подумав, что Чжань Юнь унижает её. Она покраснела, не зная, брать деньги или нет. Но взгляд Чжань Юнь устремился на её второго дядю и племянника, и она с лёгким фырканьем проговорила с явным пренебрежением:

— Некоторые, несмотря на возраст, уступают младшим. Чего стоим? Идите платите штраф и выкупайте их.

Гу Цинцин поняла, что Чжань Юнь намекает на её дядю. Она смущённо улыбнулась и поспешила оформить документы.

Людей забрали из участка, но на этом всё не закончилось. Гу Цинцин упростила Чжань Юнь подвезти их двоих до дома. Всю дорогу в машине царила тишина, прерываемая лишь звуками проезжающих машин. Гу Цинцин, казалось, чувствовала себя неважно, молча сидела на пассажирском сиденье, время от времени потирая живот или касаясь правого колена. Чжань Юнь, глядя в зеркало заднего вида, видела, что дядя и племянник выглядели как увядшие растения.

Вечернее солнце окрасило облака в багровый цвет с золотистыми краями. Его мягкий свет, проникая через лобовое стекло, падал на лицо Гу Цинцин, которая закрыла глаза.

Чжань Юнь мельком взглянула на неё и заметила, что та действительно похудела. По сравнению с тем разом, когда Гу Цинцин приносила ей обед в больницу, её двойной подбородок исчез, а линия подбородка стала более выраженной. Иногда Чжань Юнь задавалась вопросом, какой была любовь между Гу Цинцин и Чжэнь Давэем, что она так упорно за неё боролась. Чжань Юнь этого не понимала. В то время как другие в её возрасте занимались романами, она посвящала себя учёбе и карьере. Когда другие ходили на свидания, она занималась исследованиями и встречалась с клиентами. Когда другие спали в объятиях близких, она наслаждалась одиночеством.

Те, кто знал Чжань Юнь, считали её скучной и холодной, и мало кто хотел с ней общаться. Никто не делал для неё ничего, и она не тратила своё время и чувства на других. Поэтому она испытывала любопытство к Гу Цинцин, задаваясь вопросом, почему та так безрассудно отдаётся другим, включая своих странных родственников. На месте Чжань Юнь она бы не стала заботиться о них.

Возможно, почувствовав взгляд Чжань Юнь, Гу Цинцин внезапно открыла глаза. Чжань Юнь быстро отвела взгляд, и услышала робкий голос:

— Спасибо, Чжань Юнь.

— Разве благодарности достаточно? — безэмоционально произнесла Чжань Юнь. — Я не из тех, кто готов отдать всё ради чужой благодарности.

— Не волнуйся, я быстро соберу деньги и верну!

Гу Цинцин, боясь, что Чжань Юнь скажет что-то, что поставит её дядю в неловкое положение, поспешно перебила её.

Чжань Юнь, видя её беспокойство, больше ничего не сказала. В конце концов, это было дело Гу Цинцин, и она не имела к этому отношения. Как говорится, это была ситуация, когда один хотел бить, а другой — быть битым. Только в случае Гу Цинцин всё было хуже: она сама подставляла себя под удар.

Чжань Юнь была полной противоположностью Гу Цинцин. Она обладала сильным чувством самосохранения, была холодна и никогда не проявляла инициативы в отношениях. У неё было

несколько потенциальных романов, но каждый раз она прерывала их ещё до начала, потому что понимала, что почти каждый, кто к ней приближался, делал это из-за того, что она была дочерью Чжань Чэнфэя, наследницей группы «Чжаньсян». А она презирала этот статус.

— Приехали, выходите.

Все четверо поднялись на лифте. Гу Цинцин выглядела неважно, она казалась измотанной, опираясь на стенку лифта и с трудом стоя на ногах. На 22-м этаже Чжань Юнь, не прощаясь, вышла. Гу Цинцин хотела поблагодарить её, но, увидев её решительную спину, сжала губы, чувствуя себя виноватой, и молча наблюдала, как та уходит.

Вернувшись домой, Гу Цинцин выглядела ещё хуже. Вторая тётя явно не считала себя гостьей, разбросав вещи по всей квартире. Ещё даже не время спать, а она уже расстелила постель в небольшой гостиной, и диван был завален вещами.

— Ли Сюэ?

Гу Цинцин позвала, и из кухни донёсся шум. Ли Сюэ, в фартуке и с растрёпанными волосами, выбежала из кухни:

— Сестра Гу, ты вернулась!

Первая часть фразы была полна беспокойства, но затем голос стих. Ли Сюэ взглянула на вторую тётю, которая сидела на диване, как будто была хозяйкой, и, сдерживая раздражение, сказала Гу Цинцин:

— Твоя тётя сказала, что хочет сварить суп для твоего брата, но я не умею.

— Зачем тебе это делать? Сними фартук!

Гу Цинцин поспешно помогла ей снять фартук и тихо извинилась:

— Прости, Сюэ. Я позже найду им гостиницу, извини за беспокойство.

Ли Сюэ надула губы, показывая понимание:

— Мне всё равно, это ненадолго. Но ты выглядишь плохо, всё в порядке?

Гу Цинцин натянуто улыбнулась:

— Всё нормально, просто устала.

Вторая тётя, увидев, что они шепчутся, выразила недовольство:

— Ох, вы, молодёжь, уже за двадцать, а даже суп сварить не умеете. В наше время уже в семь-восемь лет готовили, а в десять — пекли хлеб и делали заготовки. А вы, выросшие в роскоши, такие избалованные.

Она продолжала ворчать, одновременно приглашая второго дядю и брата сесть:

— Ой, второй, покажи, как ты там, не пострадал ли? Ой!

Тётя потемнела лицом и строго сказала:

— На лице синяки и ссадины, почему не обработали? Цинцин, как ты можешь быть такой сестрой? Ты должна была сразу отвести его в больницу!

— Тётя, у него просто царапины, дома есть лекарства и пластыри, он сам справится, — поспешно объяснила Гу Цинцин. — В больнице сделают то же самое, но возьмут больше денег, давайте сами обработаем.

— Сами обработаем? Ты что, врач?

Тётя закатила глаза и рассердилась.

— Если начнётся инфекция, что тогда? Даже если не будет температуры, останутся шрамы! Наш второй готовится к экзаменам в художественный вуз, если лицо испортится, ты заплатишь? Вижу, тебе жалко денег на лечение!

— Зачем в больницу из-за такой ерунды, успокойся!

Редко вмешавшийся второй дядя выглядел раздражённым. Он видел, как Гу Цинцин занимала деньги на штрафы в участке.

— Ой, старый дурак, ты что, в участке сидел и стал умнее? Смеешь на меня кричать? Ты ведь отец второго, разве тебе не жалко, что он так пострадал?

Тётя сильно щипнула второго дядю и повернулась к Гу Цинцин:

— Цинцин, ты ведь в детстве сосала моё молоко, как ты можешь быть такой жестокой, не жалея денег на лечение брата? Я зря тебя кормила!

<http://bllate.org/book/15549/1376506>